

Содержание

Александр Генис

Прогулки в тени

7

Абрам Терц

Прогулки с Пушкиным

41

Приложение

Абрам Терц

Путешествие на Черную речку

195

Андрей Синявский

Чтение в сердцах

263

Александр Генис

Прогулки в тени

1

В тот не по-балтийски солнечный день голос с неба застал меня на пустынном пляже, куда я принес “Спи-долу”, чтобы меньше глушили западные голоса. Чем дальше я уходил от дачного поселка, тем яснее до меня доносился рассказ без начала и автора. Речь шла не о Солженицыне, как обычно, а почему-то о знакомом и незапрещенном — о Пушкине. Но рассказ оказался настолько странным и прекрасным, что он сразил меня, как подножка.

Тогда я не знал, что это называют эпифанией, которую можно трактовать и как нисхождение истины. Джойс в таких случаях застывал на месте, чем страшно раздражал собутыльников. Но я и про Джойса еще ничего не знал, да и на пляже был один, если не считать заграничного голоса, который минут через двадцать все же добила глушилка. Было, однако, уже поздно. Я наконец узнал, чем хочу заниматься всю оставшуюся жизнь, а это, согласитесь, в молодости случается не с каждым, даже со студентом.

К тому времени я уже заканчивал филфак и разрывался между любимыми учителями и их школами.

Меня дразнили карнавал Бахтина, структурализм Лотмана, скалды Стеблина-Каменского, византийская вязь Аверинцева, даже марксизм Берковского. Примерно так тогда выглядела библиотека отличника, и, будучи ее гордым обладателем, я страдал оттого, что не знал, как в нее затесаться. Хуже, что во мне зрело недоверие к науке, которой я страстно мечтал заниматься, но в существование которой мне верилось все с бóльшим трудом. Титаны литературоведения жили сами по себе. Их наука носила их же фамилию и не передавалась — ни ученикам, ни по наследству. Это была сумма знаний, облаченная в уникальную форму. Она избегала универсальных формул, как бы мне ни хотелось их списать.

Но в тот день под плеск нашего белесого моря я услышал что-то совсем другое. Дело было не в новом Пушкине, и не в герое, и не в авторе, а в интонации, с помощью которой все они беседовали особым, неповторимым образом. Посмеиваясь, но избегая пошлой фамильярности, повествование ветвилось вокруг знакомых каждому текстов таким образом, что из них вылеплялся поэт — вообще, а не только Пушкин, но и он, конечно, тоже. Короче, это была литература о литературе, счастливо избежавшая вульгарности домысла, вроде “Пушкин вышел на крыльцо и горько задумался”. Из-за эффективности советских глушилок я не успел его как следует узнать, но понял, чего добивается автор, радикально сокращая дистанцию. Чтобы оказаться на дружеской ноге с Пушкиным, он отложил в сторону традицию, не озаботился сносками, почти упразднил полемику, презрел терминологию и писал с лапидарной точностью и поэтической вольностью. При этом автор искусно и решительно ис-

ключил из текста “Я”, но не интимный тон, с которым никто никогда еще не разговаривал с Пушкиным.

Такому было грех не завидовать.

2

“Прогулки с Пушкиным” написал Абрам Терц, которому эту работу поручил Андрей Синявский. С первым я познакомился раньше, чем со вторым, но это произошло лишь тогда, когда по пути в Америку я оказался в Риме. Дороже всех его достопримечательностей для меня была русская библиотека имени Гоголя, где я наконец прочел все, о чем мечтал, начиная с этой небольшой книжки.

Перечитывая ее сегодня, я пользуюсь мемориальным экземпляром с дарственной надписью автора. Обложку работы Шемякина отличает красноречивый контраст: сутулый зэк в ватнике и стройный Пушкин в неизбежных бакенбардах. Тени их, однако, сливаются в одну.

Подсказка читателю? Отчасти.

Прежде чем принять *этот* образ Пушкина, надо согласиться с методом: создать своего Пушкина по той же выкройке, которую Синявский использовал для Абрама Терца. Молодцеватый, чернявый, ловкий, баловень судьбы, услада дам, да и сам вертляв, как дева на балу. Всю книгу автор упорно лепит своего героя, “строя по Пушкину модель мироздания”.

Впрочем, читателю незачем переходить на сторону автора и приспособливаться к его Пушкину вместо своего или школьного. Достаточно наблюдать со стороны за тем, что с ним делает Синявский вместе со своим соавтором Терцем. Но даже если их Пушкин не

способен заменить любого другого, всем остальным пришлось потесниться.

Именно этого Синявскому не простили патриоты по всему политическому спектру — от сермяжных деревенщиков до моих филологических друзей. Понятно — почему: мы сами не замечаем, что фундамент нашей идентичности покоится на Пушкине, чье явление оправдывает все остальное. Со стороны это заметнее. Один приятель, американский писатель, сказал, что его русские друзья и близкие запретили ему, язычнику, прикасаться губами к святому имени, а на письме, чтобы не святотатствовать, он теперь пропускает буквы даже на английском: “*P-n*”, так евреи пишут про Б-га.

Неудивительно, что всех взбесила одиозная фраза уже на 17 странице: “На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию”. Дальше оскорбленные, похоже, не читали, а жаль, ибо следующее предложение объясняет и поддерживает предыдущее: “Эротика была ему школой — в первую очередь верткости, и ей мы обязаны в итоге изгибчивостью строфы в «Онегине»”. Одним сравнением Синявский вытащил Пушкина из серьезного XIX века и отнес на родину, в XVIII — к кавалерам Фрагонара и Буше, которые изображали взрослых как детей, играющих в любовь.

Синявский — мастер определений, которые разворачивают тему, включают в себе сюжет и останавливают читателя на ходу. Метафоры Синявского не украшают текст на манер Белинского (“стих Лермонтова — серебро по хрусталию”). Они не декоративны, а остры, словно скальпель, позволяющий вскрыть даже не стих, а его автора, чтобы посмотреть, как устроена мастерская в его голове.

Литературоведение тут растет из брошенного вскользь, тем труднее с ним спорить. Пушкин “шел не вперед, а вбок”; поэма “Руслан и Людмила” написана в стиле “старославянского рококо”; поэзия — “реликт литургии”; Царскосельский лицей — “орден подкидышей”. Сравнивая Пушкина с Отелло, Синяевский назначает его “поэтическим негативом человека”.

3

Роман “Прогулки с Пушкиным” был эпистолярным. Марья Васильевна написала мужу в лагерь 855 писем и получила от него 127.

Поразительно, что при таком фрагментарном происхождении книга обладает строгой структурой. Текст распирают невидимые, но прочные несущие конструкции.

Незаметным для читателя образом автор выстроил всю биографию героя — от тех же “эротических ножек” до финальной точки на Черной речке, закончившей роман апофеозом поэта: “Маленький Пушкин с большим-большим пистолетом. Штатский, а погромче военного. Генерал. Туз. Пушкин!”

По дороге читателю предлагают длинный ряд Пушкиных. Это не эволюция героя, а его череда перевоплощений, каждое из которых вбирает предшествующую ипостась. Убаюканные слитным течением такого плотного повествования, что спичку не вставишь, мы можем не заметить всех приросших к пушкинскому лицу личин. Но если прочесть книгу не только с любовью, но и с карандашом, то в тексте можно найти чертову дюжину поэтов, распределяющих между собой литературные роли.

1. Эротоман.
2. Дама.
3. Праздный.
4. Святой.
5. Свободный.
6. Дуэлянт.
7. Беспристрастный.
8. Порожний.
9. Энциклопедист.
10. Архаист.
11. Босяк.
12. Ганнибал.
13. Царь-самозванец.

Ни одно определение не отрицает другого, ни одно не исчерпывает героя, ни одно не мешает расширить список. Но уже и так ясно, что мы имеем дело с протечной фигурой, населяющей собственную альтернативную вселенную, где всем управляют законы эстетического экстремизма.

— Пушкин, — восклицает Синявский, — пир во время чумы!

Особенно это заметно в Дубровлаге, где автор встретился со своим героем.

4

Для такого глубоко личного, даже интимного, не рассчитанного на печать повествования поразительно почти полное отсутствие в нем самого автора. Лишь дважды Синявский вставляет себя в текст, но оба раза — в критически важных местах. Первое — когда вспоминает одного из тех, с кем сидел: “Старый лагер-

ник мне рассказывал, что, чужая свою статью, Пушкин всегда имел при себе два нагана”. Этот, похожий на Терца, Пушкин не мог не понравиться Синявскому. Такой Пушкин возвращал героя “Прогулок” в любимую автором фольклорную стихию и делал персонажем анекдота, который “вносит соль в историю, опостылевшую после стольких пародий, и внушает нам уверенность, что мир наше жилище”.

Второй раз автор является в последнем и самом важном абзаце всей книги: “Некоторые считают, что с Пушкиным можно жить. Не знаю, не пробовал. Гулять с ним можно”.

Однажды Андрей Донатович рассказывал, как на прогулке всегда со всеми здоровался, как это было принято в лагере.

— Выйдя на волю, — говорил он, — я до сих пор с трудом давлю в себе эту привычку, чтобы не показаться городским сумасшедшим.

В этой, как и во всех его тюремных историях, мне чудится разлитое и в пушкинской книге мироощущение, которое упоминал другой мой кумир.

— Нельзя позволять, — писал в одном письме Лотман, — своей внутренней веселости опускаться ниже некоего критического уровня. Иначе она уже не вернется при самых благоприятных внешних условиях.

Эту “внутреннюю веселость” Синявский нашел у Пушкина и поделил с ним, гуляя вокруг лагерной бани. Растапливая горе, она выпускала узника на волю, где без оглядки на охрану живет вечная поэзия. Синявского она настигла в собственной книге, где, заражаясь от героя, он следует не за мыслью, а за словом, полагаясь на него, как шаман или пиит. Рассуждая о происхождении Пушкина, он, с удивлением любуясь

родившимися смыслами, почти переходит на глоссолалию. Из потока поэтической речи он будто наугад вынимает рифмующиеся образы.

“Негр — это хорошо. Негр — это нет. Негр — это небо. «Под небом Африки моей». Африка и есть небо. Небесный выходец. Скорее бес. Не от мира сего. Жрец. Как вторая, небесная родина, только более доступная, текущая в жилах, подземная, горячая, клокощущая преисподней, прорывающаяся”.

5

Если, в чем я уже признался, первой достопримечательностью Рима стала для меня книга Синявского, то в Париже ею был он сам. Добравшись до вождельной столицы Европы, как мы всегда считали, я обнаружил, что самым интересным местом в ней был дом в ближнем пригороде с названием, подходящим для сказок, которые так любил его старожил: Фонтеноро-Роз.

Среди здешних знаменитостей русская Википедия называет одного автогонщика Лорана Айелло, а более щедрая западная версия вспоминает художников Пьера Боннара, Михаила Ларионова, Александру Экстер, а также писателей Гюисманса и Синявского. Последние двое жили в одном доме, о чем Андрей Донатович не подозревал, пока у ворот не остановился автобус, из которого высыпали телевизионщики с камерами и юпитерами. Приосанившись, Синявский встал в позу, чтобы вещать о многострадальной отечественной литературе, но выяснилось, что парижское ТВ отмечало юбилей своего знаменитого декадента, в чей дом въехала чета русских изгнанников.

По-моему, ему это понравилось. Синявский и сам проходил по классу декадентов у своих критиков. К тому же он не верил в случайные совпадения, как и его любимый герой: “Судьба таинственно расправляется с автором, пользуясь, как подстрочником, текстами его сочинений”.

Конечно, эти слова подходят не только Пушкину, но и автору. Синявский на собственном опыте знал, что написанное норовит сбыться. Собственно, поэтому он приходил в ужас от сочинений Сорокина и пытался его предупредить о последствиях. Но когда мне довелось рассказать Владимиру об этом, тот отмахнулся, заметив, что пишет лишь “буквы на бумаге, и им не больно”.

6

Мы с Вайлем осмелились нанести визит классику, воспользовавшись одинокой рекомендацией. Ею служила наша довольно нахальная, но полная любви статья о творчестве Синявского. Начиналась она с верхнего “до”.

“Андрей Синявский — враг идеологии. Советская власть, не разобравшись, решила, что он враг именно ее идеологии. Но он — против любой канонизированной системы. Ведь Пушкин или Гоголь возможны только на сломе, противоречии, развале. Жить внутри атомной бомбы, иначе именуемой искусством, непросто. Но это лучший адрес для человека, сделавшего пародию из своего имени, мистерию из своей профессии, философский диалог из своей жизни”.

Назывался наш опус нарочито абсурдно — случайным словечком из “Ревизора”, которое, чего никто